

Глава 10. Побег × Похвала × Одиночная игра

Иллуми преградил путь к Хисоке, заслоняя его собой.

В этом мире есть два типа невыносимых врагов. Первый — как Хисока: сколько ни бей, он не сдохнет, да еще и будет сыпать мерзкими словечками. Второй — как Иллуми: как бы ты ни провоцировал его словами, он не дрогнет, но на любое нападение ответит мгновенным сокрушительным контрударом.

Верзила, только что расправившийся с Хисокой, еще не успел насладиться триумфом. Увидев Иллуми, он задрал подбородок и ослабил в предвкушении новой расправы. Он уже готов был разразиться потоком издевательств, но Иллуми его опередил. Это было явным вызовом, и задетая гордость не позволила здоровяку промолчать.

— Похоже, сегодня я и впрямь устрою кровавую баню! Раз уж ты так печешься об этом отребье, я проявлю милосердие и отправлю вас на тот свет вместе! — Он замахнулся, намереваясь вбить Иллуми в землю одним ударом.

В глазах нападавшего Иллуми выглядел слабым — тонкий, хрупкий, почти девчонка. Одного удара, даже не в полную силу, должно было хватить, чтобы размозжить ему череп.

Но события пошли совсем не так, как он себе представлял. И дело было даже не в Иллуми. Мокудзиро, до этого хранивший молчание и внимательно наблюдавший за происходящим, вдруг рявкнул:

— Стой, Асабуки! Хватит паясничать и тратить время. Ты думаешь, мы все здесь собрались только ради твоего шоу?!

Мокудзиро явно применил некую силу — верзила вначале дернулся, желая возразить, но встретившись взглядом с лидером, мгновенно сдулся. По его лицу от явного страха даже скатилась капля пота.

— А ну, назад!

— Слушаюсь...

Асабуки еще мгновение помедлил, снедаемый злобой, но перечить приказу Мокудзиро не рискнул. Отходя, он наградил Иллуми свирепым взглядом.

Иллуми не обратил на него внимания. Его, как и всех остальных, озадачил поступок Мокудзиро. Внезапное вмешательство лидера казалось подозрительным. Юный Золдик невольно скользнул взглядом по тому миловидному юноше, что недавно пытался урезонить Мокудзиро. Тот словно ждал этого — поймав взгляд Иллуми, он коротко и лукаво улыбнулся.

— Хм! — Мокудзиро недовольно нахмурился, словно его что-то раздражало, но отчитывать никого не стал. Он бросил одному из своих: — Поди глянь, не сдох ли еще этот пацан.

Подручный двинулся было вперед, но Иллуми не дал ему подойти.

— С дороги, малявка! Брысь отсюда!

— Нельзя, — Иллуми не сдвинулся ни на дюйм.

Откуда ему знать, что Мокудзиро планирует сделать с Хисокой? И хотя его самого снедало беспокойство, жив ли еще его «напарник», перспектива услышать от Мокудзиро что-то вроде «А, ну раз жив — сверните ему шею» его не прельщала. Хисока сам был виноват в том, что оказался в таком положении, но позволить убить его Иллуми просто не мог.

Дело было не в какой-то особой привязанности. Просто каприз профессионала: «Пока я жив, если я решил, что кто-то не должен умереть — этот человек будет дышать». Сильва учил его, что убийца должен полностью контролировать чужие жизни. Иллуми был прилежным учеником с безупречной психологической закалкой.

— Что значит «нельзя»?! Ты вообще кто такая? Наш районный лидер приказал — так что помалкивай и делай, что велят! — Из-за недавнего окрика Мокудзиро мужчина побаивался открыто применять оружие, поэтому просто решил грубо оттолкнуть ребенка.

Эта осторожность его и погубила.

Иллуми не был из тех, кто предупреждает перед ударом. К тому же он терпеть не мог, когда его толкали — это заставляло его чувствовать себя незащищенной добычей. В обычной обстановке он не проявлял агрессии, но если уж бил, то сразу в сердце, наповал. Милосердие — непозволительная роскошь для убийцы; «ожившие последствия» — худший кошмар их профессии. Пощадишь сегодня — завтра придут на твои поминки.

Одним выверенным движением, на скорости, которую человеческий глаз не способен зафиксировать, Иллуми вонзил руку в грудную клетку и вырвал бьющееся сердце.

Его лицо осталось совершенно бесстрастным, даже когда на щеки и одежду брызнула горячая алая кровь.

Под звуки последнего, затихающего хрипа жертвы и в окружении застывших от ужаса лиц, Иллуми просто сжал пальцы. Раздался влажный хруст — и ошметки плоти разлетелись в стороны. Тело с глухим стуком рухнуло на землю.

Наступила мертвая тишина.

Никто не смел издать ни звука. Иллуми стоял неподвижно. Он уже отбросил ненужный орган в сторону, но его окровавленные руки и тяжелый железный запах крови служили неоспоримым доказательством того, что это не был дурной сон.

Жители Метеоритного города видели немало жестокости. Расчленение на месте или кровавые допросы здесь были обычным делом. Но почему же сейчас по их спинам пробежал ледяной холод?

Все дело было в Иллуми. В его абсолютной отстраненности — словно он не человека убил, а просто выполнил скучную работу. Обычный человек после убийства чувствует страх или азарт. Психопат может смеяться или скалиться. Но этот ребенок не изменился в лице ни на мгновение.

Иллуми выглядел как кукла. Обаятельный с виду мальчик в окружении трупов и крови превращался в нечто запредельно жуткое.

Это не ребенок. Это демон, пришедший за их душами.

Но самым сильным испытанием для нервов собравшихся стало то, что в этой гнетущей тишине вдруг раздались отчетливые, звонкие хлопки.

— Какая великолепная техника!

Миловидный юноша аплодировал, и его голос звучал пугающе мягко и приятно. В любой другой ситуации этот тон мог бы очаровать, но сейчас от него веяло безумием.

Аплодисменты вывели толпу из оцепенения. На юношу посыпались хмурые взгляды, но никто не посмел возразить — все оглядывались на Мокудзиро. А тот молчал. Стало ясно: статус этого парня здесь весьма высок.

Юноша подошел к Иллуми, остановившись в полутора метрах. Он продолжал улыбаться.

— С виду такой тихий, а убиваешь почище любого взрослого.

Иллуми молча смотрел на него.

Юноша не удивился. За ту короткую сцену он успел составить представление о характере Золдика. Поняв, что разговорами здесь ничего не добиться, он просто развернулся и пошел обратно к лидеру.

— Иллуми, прекращай это бессмысленное сопротивление, — голос Мокудзиро зазвучал тяжело. — Хисока, при всей его упертости, уже одной ногой в могиле. Если вздумаешь

брыкаться, тебя ждет не один Асабуки, а все мы.

По его сигналу десятки людей мгновенно окружили Иллуми, взяв его на прицел.

Иллуми даже не вздрогнул.

— Я не сопротивляюсь. Но что именно вы хотите со мной сделать? — Ситуация была странной. Пыточных инструментов он не видел. Зато заметил огромный котел неподалеку. «Неужели собираются сварить заживо?..»

В голове невольно всплыла картина, где главным ингредиентом супа выступает он сам. Перспектива так себе. Иллуми вдруг подумал, что домашние пытки и наказания были, в сущности, весьма гуманными.

— Что сделать? Ха-ха! Не бойся, мы не будем слишком суровы, — усмехнулся Мокудзиро. — Возможно, мы даже отпустим вас обоих.

— Хм? И каковы условия? — Иллуми не верил в щедрость. В его мире за всё нужно платить.

Мокудзиро выдержал театральную паузу, наслаждаясь моментом.

— Ничего сложного. Мы просто хотим сыграть в одну игру. Жаль только, Хисока слишком торопился на тот свет, и сейчас его вряд ли добудишься. Так что играть придется тебе одному.

Иллуми задумался.

— Тогда я в невыгодном положении. Вдвоем шансы на успех всегда выше, разве нет? — Если игра рассчитана на двоих, то в одиночку он обречен.

Мокудзиро скопировал недавнюю ухмылку Хисоки:

— Это уже твои проблемы. Нужно было лучше следить за напарником. И вот еще что: советую держаться от этого парня подальше. Такие, как Хисока, приносят только смерть. Впрочем, сейчас советовать уже поздно.

— Вы совсем не знаете Хисоку, — неожиданно для самого себя возразил Иллуми.

Он сам удивился своей резкости, но потом решил, что всё правильно. Сейчас они с Хисокой — кузнечики, нанизанные на одну иглу. Оскорбление Хисоки задевало и его честь.

«Игра».

Иллуми никогда не играл ни во что, кроме игр со своим зверем Мике. Да и с кем ему было играть? Он единственный ребенок в семье. Прадед, дед, отец, мать — всё их общение сводилось к тренировкам в искусстве убивать и выносить боль. Отец частенько говорил: «Иллуми, пойдём поиграем», а потом тащил его в пыточную.

Ах, точно. Матушка Кикё в этом году должна родить. Интересно, будет брат или сестра?

Впрочем, какая разница. Главное, чтобы не был слишком назойливым. Он слышал, что младшие дети любят забирать вещи старших. Этого Иллуми не потерпит. Своё он не отдаст никому.

Так что же за «игру» подготовил Мокудзиро?

Суть была проста, но смертельно опасна.

На самом деле — издевательство в чистом виде.

Лицо Иллуми стало ещё мрачнее прежнего.

Краем глаза он заметил лежащего рядом Хисоку — полуживого, в беспомощности. Внезапно ему нестерпимо захотелось отвесить этому клоуну хорошего пинка.

И он это сделал. Пнул так, что Хисока даже в глубоком обмороке издал приглушенный стон боли.

Правила были такими:

Иллуми должен сбежать от пятнадцати бойцов, которых выберет Мокудзиро. Пространство ограничено — только пяточок земли у всех на виду. При этом Иллуми запрещено убивать преследователей, а те, в свою очередь, не будут нападать на него открыто.

Просто салки. Только вместо детей — убийцы, а вместо площадки — кольцо из пятнадцати человек, в центре которого стоит он один.

<http://bllate.org/book/17441/1663313>